

Конев Алексей Юрьевич

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII В.

С новых позиций рассмотрены основные нормативно-правовые акты, определявшие принципы конфессиональной политики российских властей в отношении коренных народов Сибири на этапе их включения в состав России. Впервые предпринята попытка установить взаимосвязь политико-правовых аспектов христианизации местных инородцев в Поволжье и Сибири. Особенности христианизации XVI-XVII вв. объясняются спецификой политической культуры и практики неонатальной империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 101-107. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

124. Установление Советской власти в Марийском крае: сб. док-тов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1970. 182 с.
125. Фадеев В. З. Село Вилатово и его окрестности. Козьмодемьянск: Козьмодемьянская городская типография, 1994. 100 с.
126. Финно-угорский мартиролог жертв государственного террора в СССР. Изд-е 2-е, доп. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2011. Вып. 2. Мордвины / сост. Н. И. Антонов; отв. ред. В. К. Абрамов. 996 с.
127. Финно-угорский мартиролог жертв политических репрессий в СССР. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. Вып. 1. Марийцы / сост. Н. И. Антонов; отв. ред. В. К. Абрамов. 600 с.
128. Хайрутдинов Р. Р. В церквях и монастырях по возможности ничего не оставлять... (кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) // Эхо веков. 2006. № 2. С. 78-87.
129. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. Р-789. Оп. 1.
130. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный период. Новейший период. М.: Изд-во Учебного комитета Русской Православной Церкви, 2004. 840 с.
131. Черные помощники голода // Чувашский край. 1922. 16, 19 мая.
132. Чиндяйкин Ю. Г. Православная Церковь в Мордовии в 1930-е гг. // Репрессии в Мордовии 1930-х гг. и их последствия: мат-лы респ. науч.-практ. конф. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2004. С. 206-210.
133. Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док-в / отв. ред. В. Л. Кузьмин. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 718 с.
134. Шишкин В. Об Алатыре и алатырцах. Чебоксары: Ассоциация русских писателей Чувашской Республики, 2006. 122 с.
135. Юрченков В. А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918-1920 гг. Саранск: НИИГН, 2010. 440 с.
136. Юрченков В. А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИГН, 2012. 612 с.

**ROLE OF POLITICAL REPRESSIONS OF 1918 – THE 1930S IN SOCIETY SOCIAL STRUCTURE CHANGE
(IN CONTEXT OF STATE-CHURCH RELATIONS IN MORDOVIA, CHUVASHIA AND MARI EL)**

Kozlov Fedor Nikolaevich, Ph. D. in History
Ogarev Mordovia State University
fedor1977@yandex.ru

The clergy's state in new social-political conditions, which were formed after the Soviet power consolidation in the country, is considered in the article. Special attention is paid to punitive measures as the state confessional policy instrument. The reasons, stages, forms and methods, scale and consequences of repressions in relation to the clergy and monks in three national regions of Middle Volga region are shown on extensive source basis. Repressive actions role as one of the significant factors of society social structure change is estimated with the help of the data obtained during the research.

Key words and phrases: national autonomies of Middle Volga region; Chuvashia; Mordovia; Mari territory; political repressions; state-church relations; Russian Orthodox Church; the clergy.

УДК 94(57)

Исторические науки и археология

С новых позиций рассмотрены основные нормативно-правовые акты, определявшие принципы конфессиональной политики российских властей в отношении коренных народов Сибири на этапе их включения в состав России. Впервые предпринята попытка установить взаимосвязь политико-правовых аспектов христианизации местных иноверцев в Поволжье и Сибири. Особенности христианизации XVI-XVII вв. объясняются спецификой политической культуры и практики неонатальной империи.

Ключевые слова и фразы: коренные народы; законодательство; конфессиональная политика; христианизация; неонатальная империя.

Конев Алексей Юрьевич, к.и.н.

Тюменский государственный нефтегазовый университет
aldimoks@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII В. ©**

Конфессиональная политика царского правительства и Русской православной церкви, проводившаяся в отношении неправославного населения, вызывает особый исследовательский интерес. Он обусловлен тем, что результаты этой политики оказали существенное влияние на процесс интеграции иноверцев в государственную систему России, на формирование особенностей имперского устройства страны.

Обращаясь к этой теме, автор статьи сосредоточит основное внимание на нормативно-правовом обеспечении действий правительственных агентов и деятелей церкви в религиозной сфере. Нижняя хронологическая граница определяется началом включения зауральских территорий в состав Русского государства, первыми шагами по распространению православия в крае, верхняя – началом процесса массовой христианизации народов Сибири.

В литературе сложились разные точки зрения по поводу оценки методов и результатов конфессионального воздействия на коренные народы Сибири, а также значения и роли тех или иных правовых и распорядительных актов центральных властей в соответствующей сфере. Дискуссионным остается вопрос о соотношении насильственных мер и добровольного волеизъявления при обращении аборигенов в православие. Тесным образом с ним связано изучение особенностей христианизации в XVII в., который большинством исследователей рассматривается как период веротерпимости и ограничения миссионерских устремлений церкви в противоположность XVIII столетию. Практически не изученным остается влияние на политический курс в отношении народов Сибири конца XVI – XVII в. опыта распространения православия в Поволжско-Уральском регионе.

Прежде чем приступить непосредственно к интересующим нас вопросам, следует обратить внимание на то, каково было в целом отношение правительственных и церковных кругов к факту присутствия в России значительного и постоянно увеличивавшегося числа «иноземцев», принадлежащих к различным неправославным исповеданиям, в первую очередь нехристианского толка. Голштинiec Адам Олеарий, несколько раз посетивший в 30-40-х гг. XVII столетия Московское государство, отмечал, что «москвиты относятся терпимо и ведут отношения с представителями всех наций и религий, как-то: с лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персиянами и турками», при этом крайне неохотно «видят и слышат папистов (*католиков* – А. К.) и иудеев» [31, с. 295-296]. Упомянув о принудительном крещении жены французского барона Пьера-де-Римонта, перешедшего в православие, и подчеркнув, что лицу иной веры, вступающему в брак с православным, не давалось свободы исповедания, немецкий путешественник пишет: «...о других случаях, в которых бы русские принуждали кого-либо насильно перейти в свою религию, не слышно» [Там же, с. 268-269]. Свобода совести разрешалась всякому – и «подданным и рабам».

Данное свидетельство отнюдь не означало, что приобщение к христианской вере вновь покоренных народов не входило в круг задач православного государства. Тот же Олеарий, имевший возможность в июле 1643 г. лично общаться в Посольском приказе с двумя самоедами, записал, что «приблизительно 23 года тому назад самоеды присылали посольство к великому князю и просили его о присоединении к русской вере. Это и было сделано, и епископ владимирский с несколькими попами... был послан туда, чтобы обучить их вере и крестить» [Там же, с. 163]. Стремясь продемонстрировать иностранным державам незыблемость своих позиций в Сибири после событий Смутного времени, князю М. П. Барятинскому, отправленному в 1618 г. с посольством к персидскому шаху, предписывалось сообщить, что «Сибирская земля в государеве жалованье... и тамошние люди сибирцы многие крестились» [7, с. 105]. И хотя заявление о «многих крестившихся» не отражало действительного положения вещей, показателен сам факт того, что религиозный фактор рассматривался в качестве существенного условия, способствовавшего укреплению влияния русского монарха в «заочной государевой вотчине».

Важнейшим мероприятием конфессиональной политики в Сибири стало открытие здесь в 1620-1621 гг. епархии с центром в Тобольске. В числе насущных вопросов, вставших перед первым сибирским архиепископом Киприаном, были: обустройство митрополичьего дома, налаживание приходской жизни, духовное и нравственное состояние русских служилых людей и представителей клира. М. Д. Архипова, автор биографического исследования, посвященного Киприану, отмечает, что в результате активной деятельности архиепископа владычная кафедра приобрела материальную независимость от воеводской власти и финансовые возможности, что явилось важной предпосылкой распространения христианства среди местных жителей [2, с. 12].

Как известно, наказ архиепископу Киприану не сохранился. Свидетельством того, что крещение местных иноверцев было одной из задач, стоявшей перед ним, является предписание из Москвы тобольским воеводам от 15 января 1621 г. о расходах на подарки татарам, остякам, самоедам и вагуличам, которые «похотят креститца» [23, с. 148], а также просьба архиепископа царю об определении к митрополичьему двору толмача для «толмачества татар, остяков, и вагулич, и колмацких людей» [25, с. 208]. Точных сведений о том, сколько было крещено местных иноверцев в период пребывания первого сибирского архипастыря на тобольской кафедре, не имеется, для нас принципиальным является указание на то, что делалось это в соответствии с распоряжениями государя и патриарха. П. Н. Буцинский, осторожно заметив, что сложно сказать, «насколько этот архиепископ лично способствовал обращению ко Христу язычников и магометан», утверждает, что «со времени Киприана начал вводиться в Сибири обычай – отдавать новокрещенцев в монастыри — *ад* начало” для научения их истинам христианской религии» [5, с. 244]. Историк делает при этом важное замечание, что взгляд на монастыри «как на рассадники христианского просвещения» был, очевидно, воспринят от первого Казанского архиепископа святителя Гурия [Там же, с. 244-245].

Совершенно определенным образом были сформулированы задачи и полномочия сибирского иерарха относительно христианизации представителей туземных народов в царском наказе от 8 февраля 1625 г. сменившему Киприана архиепископу Макарию [17, с. 213-214]. Сравнение соответствующих статей этого наказа с содержанием наказной памяти, данной в мае 1555 г. архиепископу Гурию [1, с. 257, 259-260], позволяет проследить преемственность и некоторые изменения в правовых установлениях, касающихся порядка крещения иноверцев. В литературе уже высказывалось мнение о сходстве названных актов [13, с. 294]. О том, что наказная память 1555 г. является основным источником наказа сибирскому архиерею, говорят последовательность статей, многочисленные дословные совпадения, а также использование в обоих документах этнонима *татары* в качестве обобщенного наименования местных иноверцев. В статье, непосредственно касающейся крещения, сначала идет речь о изъявивших на это желание, не вызванное стремлением избежать наказания за совершение каких-либо проступков и преступлений. Лучших людей (представителей местной знати) архиепископы должны были наставлять в вере сами, а прочих отдавать к «научению» по монастырям. Интересно, что в наказе

1625 г. предусматривались случаи не только единичного обращения, но и когда «учнут ко крещению приходи-ти многие люди», о чем следовало писать царю и патриарху и ждать указа из Москвы. В наказной памяти Гурию этой ситуации не предполагалось. Архиепископам предоставлялось право укрывать от воеводских опал и от казни «дошедших до вины» иноверцев и ходатайствовать о смягчении их участи, даже если они и не выражали желания принять крещение. Но если Гурию разрешалось укрывать у себя татар «от каковы ни буди» вины и крестить таковых по их желанию без дополнительной санкции, то в наказе Макарию оговаривалось, что он имеет право укрывать только тех, кто не совершил измены, и крестить преступивших закон только по царскому и патриаршему указу. Положение, определявшее общий подход в деле христианизации иноверцев, и в наказной памяти 1555 г., и в наказе 1625 г. указывало: «и всякими обычай... татар к себе приучати», приводить ко крещению с любовью, «а страхом и жесточью ко крещению никак ни приводити» [1, с. 260; 17, с. 214].

Тем не менее есть указания на то, что во второй половине XVI в. правительство и церковь при обращении в христианство мусульман прибегали к насилию, выражавшемуся, в частности, в уничтожении мечетей [33, с. 321-322]. В качестве аргумента приводится грамота царя Федора Иоанновича казанским воеводам от 18 июля 1593 г., которой, в частности, указывалось «мечети татарские посметати» [24, с. 438]. Внимательное изучение положений этого документа не позволяет согласиться с категоричным заключением коллег относительно масштабов соответствующих мероприятий, санкционированных упомянутой грамотой. Во-первых, она касалась исключительно Казани и ее уезда. Во-вторых, сносу подлежали только те мечети, которые появились после покорения ханства в противность указам Ивана Грозного о том, что быть мечетям в Казани «никак не велено». Для нашего исследования данная грамота интересна тем, что в ней с целью предотвращения возврата новокрещенных в ислам и укрепления их в православной вере предусматривались меры по их изоляции от соплеменников-иноверцев путем переселения в особую слободу, поощрения браков с русскими, постоянного наблюдения за новокрещеными светских и церковных властей [Там же, с. 437-438]. Именно такой подход будет реализовываться впоследствии в Сибири. Принимавшие крещение сибирские иноземцы, как правило, станут поселяться в русском окружении, порывая со своей социальной и этнической средой.

А. В. Беляков, подробно исследовавший практику обращения в православие служилых Чингисидов в России XVI-XVII вв., пришел к заключению, что крещения татарских царевичей во второй половине XVI в. «скорее всего носили добровольный характер», хотя и не отрицает, что на некоторых из них могло «оказываться опосредованное давление» [4, с. 109]. Этот же курс реализуется и в XVII столетии, в том числе в отношении потомков сибирских правителей [Там же, с. 110]. Смена религиозной принадлежности обуславливалась стремлением изменить свое положение почетных пленников и инкорпорироваться в служилую элиту Московского царства.

Таким образом, принцип добровольности при принятии иноверцами православной веры в конфессиональной политике Русского государства утвердился еще с середины XVI в., а отнюдь не в конце XVII в., как полагают некоторые исследователи [35, с. 103]. Это замечание имеет существенное значение, так как чаще всего требование крестить сибирских туземцев не по принуждению объясняется спецификой задач и проблем, которые решались в течение первого, отнюдь не мирного, столетия присвоения Сибири Россией. Безусловно, «шатости и измены» ясачных людей, финансовые интересы казны, слабость позиции русских в отдаленных районах не могли не браться в расчет. Но в основе подхода к крещению лежала отнюдь не только текущая ситуация в регионе, а выработанная еще в предшествующее время, с учетом опыта покорения Казанского и Астраханского ханств, линия поведения в конфессиональной сфере. Кроме того, само священство в рассматриваемый период весьма строго относилось к принятию в лоно церкви иноверцев. Будинский обратил внимание, что в одной из отписок царю и патриарху архиепископ Макарий, как бы отвечая на соответствующий пункт данного ему наказа, упомянув о магометанине, решившем принять крещение, вынужденное угрозами его владельца, заметил: «А в правилах де апостольских и отеческих писано – велено принимать во крещение вольных людей – чтоб ни от смерти, ни от беды, ни от напасти для того, что примет крещение и причащение да опять заворовав обусурманится» [5, с. 272]. Такая консервативная точка зрения прослеживается и в позиции рядовых сибирских священников.

Наказ 1625 г. Сибирскому архиепископу Макарию со всей очевидностью свидетельствует, что, оправившись после Смуты и заложив основы епархиального устройства в отдаленном зауральском регионе, царь и патриарх рассматривали задачу приобщения «ясачных иноземцев» к православной вере в качестве одной из приоритетных. Этот наказ можно отнести к первым правительственным документам, определявшим порядок крещения сибирских иноверцев. Поэтому следует признать неосновательным утверждение о том, что только указ Сибирскому митрополиту Павлу 1685 г. можно рассматривать как «первый пример прямого обращения светской власти к духовной с предписанием того, что надлежало ей предпринять в отношении крещения народов Сибири» [6, с. 209].

Не могу согласиться и с возражением Е. М. Главацкой [Там же, с. 206] по поводу ранее сделанного мною заключения о том, что никаких оформленных законом ограничений и запретов на распространение христианства среди народов Сибири в XVII столетии в адрес Русской православной церкви сформулировано не было [11, с. 22; 12, с. 165]. В качестве контраргумента она ссылается на выдержку из указа царя Михаила Федоровича в Сибирь и Астрахань 1623/24 гг., в котором говорится, что «татар и татарченков мужеского и женского полу всяким людем покупать, и даром ни у кого имати, и крестити, и на Русь ни с кем высылати не велено» [8, с. 118]. Но речь здесь идет лишь о запрете корыстного «миссионерства» служилых людей и местной администрации, включая воевод. Они насильно крестили аборигенов, в основном женщин и детей, приобретавшихся путем захвата ясыря или покупки, с целью их похолопления и последующего вывоза за пределы Сибири. Священники также не имели права покупать и вывозить аборигенов, о чем свидетельствует наказ верховному таможенному и заставному голове Данилу Обросьеву [27, с. 339], но, главное, они не должны были

допускать крещения таких невольников по просьбам их владельцев, так как это нарушало принцип добровольности. При этом ограничения деятельности самой церкви по обращению в православие коренного населения указ 1623/24 гг. не содержит. Более того, соотнося его с наказом архиепископу Макарию, можно сделать вывод, что государство пытается направить в организованное русло процесс стихийного крещения сибирских иноверцев, в котором преобладала частная инициатива, отдавая в нем главную роль церкви.

Требования упомянутого указа нашли отражение в статьях воеводских наказов. К числу первых из таковых следует отнести обнаруженный А. А. Преображенским наказ верхотурским воеводам 1638/39 гг. [34, с. 170]. Содержание наказов не оставляет никаких сомнений в том, кому именно и почему был адресован запрет на крещение. Так, якутским воеводам В. Н. Пушкину и К. О. Супоневу от 10 февраля 1644 г. предписано: «...к себе... и подъячим и служилым людям никаких иноземцов и жон и детей их во двор к себе не имати, и засылкою самим ни у кого не покупать, и не крестити, и к Москве с собою не вывозити... и служилым и всяким людям крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская земля пространилась, а не пустела». При этом далее сказано, что если кто из ясачных людей «похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскав об них допряма, что своею ли волею они хотят креститься» [15, с. 273]. Аналогичные статьи содержатся и в наказах тобольским воеводам А. А. Голицыну (1664 г.) [16, с. 360] и М. Я. Черкасскому (1697 г.) [28, с. 356, 372].

Сохранились некоторые данные о численности новокрещенных в Западной Сибири за конец 20-30-х гг. XVII в. Среди тюркского населения по подсчетам Н. А. Томилова их было 530 человек обоего пола [37, с. 44, 83, 117]. В приходной книге таможенных сборов Кетского острога за 1628-1629 гг. таковых упомянуто 9 человек [32, с. 59-61]. К 1640 г. целая деревня крещенных остяков образовалась под Нарымом. Всего их и живших в самом Нарыме по документам значилось 20 семей, но Бучинский полагал, что на самом деле было значительно больше [5, с. 104].

Власти всячески поощряли переход в православие представителей туземной элиты. В числе крещенных уже к 1620 г. были внуки кондинского князя Агая – Василий Кондинский и Федор, их племянник Андрей Пельмский. Они жили в Пелыме и были приписаны к местным детям боярским [3, с. 148]. В числе первых принявших крещение представители Кодской княжеской династии Алачевых. В их вотчине проживало также несколько крещеных дворовых людей из остяков. У князя Михаила в 1627 г. их было 10 человек, а с князем Дмитрием в 1644 г. отбыло в Москву 20 его новокрещенных холопов [Там же, с. 127-128]. Впоследствии, уже после упразднения Кодского княжества, в 1653 г., в ответ на просьбу «Коцких розных волостей остяков» и ходатайство архиепископа Симеона в Тобольск будет прислана царская грамота с повелением устроить Кодский Троицкий монастырь [9, с. 115-116], который станет форпостом миссионерской деятельности в Северном Приобье.

Крещение по православному обряду в рассматриваемый период имело следствием для представителей коренных сибирских народов преодоление «иноземческого» и «ясачного» статуса и переход в иной социальный разряд, обычно в число служилых по прибору. Практика эта в Сибири устанавливается в период правления Бориса Годунова. Грамотой от 11 сентября 1598 г. впервые указывалось поверстать в службу совершеннолетних из новокрещенных, а крещеных «женок и девок» выдать замуж за стрельцов и казаков [30, с. 211]. В 1603 г., в связи с принятием крещения верхотурскими вогулами, воеводе Н. О. Плещееву было предписано «тем новокрещеном... службу служить на Верхотурье, в стрельцах, на выбылых стрельцов место» [20, с. 56]. А. И. Сулоцкий, основываясь на данных разрядных книг за 1629-1631 и 1635-1636 гг., приводит следующие сведения о численности новокрещенных в составе гарнизонов некоторых сибирских городов: в Тобольске – 17 из татар, в Тюмени – «между пешими и конными казаками» 5 из татар, в Пелыме – «между стрельцами» 3 из вогулов, в Томске – «между конными казаками» 6 из татар, в Нарыме – 6 (видимо, из остяков) [36, с. 264-265]. Правительство было заинтересовано в пополнении отряда служилых людей за счет местных людских ресурсов. Начиная с 40-х гг. XVII в. в воеводских наказах закрепляется предписание о том, чтобы добровольно крестившихся ясачных иноземцев «устраивать в государеву службу, и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людям, кто в какую статью пригодится» [15, с. 273; 16, с. 360; 18, с. 449; 28, с. 356].

Следует признать, что распространение христианства на вновь завоеванных землях Поволжско-Уральского и Сибирского регионов в XVII в. имело скромные результаты. Н. А. Фирсов этот факт объясняет отнюдь не политикой ограничения в распространении православного вероучения, а причинами совсем иного рода. Во-первых, «сильным отпором со стороны местных религий». Во-вторых, тем, что миссионерство в XVI-XVII вв., как правило, было делом «трудов отдельных лиц», что «дух религиозной пропаганды... был чужд московскому духовенству». В-третьих, тем, что состояние общества, пережившего эпоху «общественно-экономической розни», осложнилось расколом, и забота об обращении иноверцев, «когда была шатость в самой христианской общине, когда свои отделялись от церкви», была несвоевременной [39, с. 218-229].

Представляется, что Фирсов во многом прав. Схожую точку зрения высказал и современный исследователь В. Ю. Софронов [35, с. 146]. Тем не менее следует заметить, что правительственные круги, особенно в царствование Федора Алексеевича, вопрос о распространении «словес Божиих» не снимали с актуальной повестки дня. Предлагая Церковному Собору в 1681 г. «архиепископское вновь прибавление» для Сибири, царь аргументировал это тем, что «Сибирская страна пространна и в ней множество народа Христа незнающего, также и иные грады от архиепископского пребывания имеют дальнее расстояние... и в тех дальних местах христианская вера не расширяется, развратники же святые Церкви там умножаются» [29, с. 109-110]. Таким образом, борьба с расколом, получавшим все большее распространение за Уралом, побуждала активизировать миссионерскую работу по всем направлениям.

Собор 1681-1682 гг. санкционировал учреждение Енисейской епархии, так, впрочем, и неоткрытой. А в самые отдаленные районы «на Лену, в Дауры» решено было посылать из этой епархии «священников

добрых и учительных для учения христианского закона и просвещения неверных». Учреждение там епископии признавалось неудобным ввиду малочисленности христианского населения [Там же, с. 110]. Еще в феврале 1681 г. в Сибирь по царскому указу и благословению патриарха Иоакима для «призывания иноверных в православную христианскую веру» и строительства монастыря на Селенге был направлен игумен Феодосий «с братьями» [14, с. XI]. В мае того же года в Тобольске он получил благословенную грамоту и наказ от сибирского митрополита Павла на строительство монастыря и приведение к вере тамошних иноземцев. В наказе подчеркивалось, что «приводить к тому святому и Божию делу без тщеславия и гордости, со благоуचितельным намерением, без всякого озлобления». Новокрещеным разрешалось самим выбирать, где они «жить похотят», из трех возможных вариантов: в службе, в монастыре или у русских людей. В случае совращения в «прежние темнообразные прелести» игумену предписывалось брать таковых отступников под начало в монастырь, «пока они истинное покаяние принесут и впредь от таких прелестей отстанут» [26, с. 101-102].

Судя по всему, именно в конце непродолжительного правления царя Федора были предприняты наиболее энергичные за весь XVII в. меры по активизации обращения в православие иноверцев, в том числе сибирских.

Интересно, что упоминавшийся уже именной с боярским приговором указ царевны Софьи и царей Ивана и Петра Алексеевичей от 5 апреля 1685 г. сибирскому митрополиту Павлу был дан «против прежнего указу брата их государева... великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича... и грамоты», посланной в 1680 г. в Тобольск [22, с. 662]. Грамота эта была, по всей видимости, реакцией на челобитье тобольских татар и бухарцев тобольскому воеводе А. С. Шеину. Челобитная стала предметом разбирательства в Москве. Касалась она конфликтных ситуаций, связанных с переходом из ислама в православие дворовых людей, живших за татарско-бухарскими владельцами. Кроме того, центральным властям пришлось разбираться с жалобами митрополита на тобольских татар и бухарцев по поводу их непристойного поведения во время крестных ходов и богослужений и попыток обращения в ислам новокрещеных. Указ 1685 г. подтверждает принцип добровольности при принятии крещения. Он предписывает возмещать убытки иноверческим владельцам «купленных людей» при переходе последних в православие. В случаях желания принять крещение со стороны тех «иноземческих дворовых людей», которые придут «пограбя хозяев своих животы», велено было взыскать с таковых новокрещеных украденное, чтобы снять претензии противоположной стороны. Причем сам факт такого преступления не рассматривался еще как препятствие для перехода в православие. Исследователи, обращаясь к этому документу, почему-то акцентируют внимание на фразе, адресованной не митрополиту, а воеводе П. С. Прозоровскому («чтоб тем тобольских татар и бухарцов и иных земель приезжих иноземцов не ожесточить... и Сибирскому государству какого повреждения не учинить» [Там же, с. 663]), которому поручалось проводить следствия по вышеуказанным случаям. Фраза эта никакого отношения к ограничению миссионерской деятельности не имеет, она по смыслу связана только с требованием к светским властям о добросовестном розыске и возвращении «пограбленных животных». Вслед за этим следует совершенно определенное указание: «а добровольно хотящих в православную веру принимать, и крестить, и на такое дело их призывать... и которые крестятся, и к тем держать ласку и привет, чтоб на них смотря и иные иноземцы православныя христианския веры пожелали» [Там же].

Анализ данного правового акта показывает, что, во-первых, случаи перехода в православие среди мусульманского населения Западной Сибири во второй половине XVII в. были не таким уж редким явлением; во-вторых, принцип добровольности в сочетании с лояльностью к прозелитам рассматривался как фактор, способствующий христианизации, а не сдерживающий её.

Замечу, что установившееся в начале XVII в. весьма либеральное отношение к тем из местных иноверцев, кто, совершив преступление и стремясь избежать наказания, изъявлял желание креститься, сменяется во второй половине 1680-х гг. требованием розыска таких лиц, их наказания по Уложению и только после этого принятия решения об их крещении. Впервые эта норма появляется в именном с боярским приговором указе от 7 февраля 1686 г. [21, с. 738-739] и затем закрепляется в воеводских наказах. Проведение следствия и дознания по просьбам иноземцев, изъявивших желание креститься, на предмет того, «нет ли на них какого челобитья» и что просят они о крещении «впрямь добровольно, не своровав», возлагалось на светские власти. Только после этого дело могло быть передано на рассмотрение митрополичьего двора. Митрополит фактически лишался права укрывать у себя «дошедшего до вины» иноверца, права, которое было закреплено в наказах первым сибирским архиереям. Важно отметить, что аналогичный порядок наблюдается во второй половине XVII в. на территории бывшего Казанского «царства». В качестве примера приведу выдержку из работы Н. В. Никольского, посвященной крещению чуваш. Он пишет: «Порядок обращения был такой. Язычник подавал челобитную о желании креститься. В приказной избе его допрашивали, нет ли за ним каких преступлений (воровство, разбой). Отсюда он шел к духовному лицу для научения христианским истинам» [19, с. 8]. Таким образом, законодатель значительно усиливает роль местных светских властей в конфессиональной сфере, что было отражением общей тенденции в развитии отношений между государством и церковью во второй половине XVII в.

Итак, следует признать, что христианизация народов Сибири в рассматриваемый период, при всей специфике этого региона, строилась на принципах, выработанных в XVI столетии в ходе завоевания Поволжья и Предуралья. Важнейшими из них были: добровольность смены религиозной принадлежности местными иноверцами, относительная самостоятельность церкви в выборе форм миссионерской деятельности и определении темпов и масштабов христианизации, стремление к изоляции новокрещеных от бывших соплеменников. В Сибири реализация этих принципов имела более выраженный характер. Специфической нормой, установленной для зауральских территорий, был запрет на вывоз за пределы региона крещеных и некрещеных аборигенов. Основными нормативно-правовыми актами, определявшими конфессиональную политику в регионе,

были указы первым сибирским архиепископам, воеводские указы, именные указы и грамоты, адресованные тобольским и сибирским митрополитам. В последней четверти XVII в. ужесточаются требования для желающих принять крещение с целью ограничения притока тех, кто стремился избежать наказания за совершенные преступления. Это сопровождается распространением на сибирских «иноземцев» действия соответствующих статей Соборного Уложения, усложнением бюрократической процедуры перехода их в православие. В то же время государство не ограничивало на законодательном уровне миссионерскую деятельность церкви как таковую и даже в отдельные периоды пыталось ее активизировать. Распространение христианства среди покоренных русской державе народов на этапе приобретения и первичного освоения Сибири рассматривалось как важный политический фактор, обеспечивавший права на присоединяемые территории. При этом победное продвижение на север и восток осмысливается в рамках провиденциализма, как проявление Божественной воли, предопределившей покорение «неверных» правителей и их племен православному государству.

Вместе с тем христианизация еще не выступает в роли инструмента конфессиональной гомогенизации населения колонизируемых территорий. Она лишь выхватывает из сообществ «ясачных иноземцев» отдельных представителей, сообщая им правовой статус полноценного русского подданного. Ответ на вопрос, почему в рассматриваемый период государством не мог быть запущен механизм массового крещения сибирских аборигенов, возможно, следует искать в особенностях неонатальной Московской империи. По мнению А. И. Филошкина, они заключались в опережающем территориальном приращении по отношению к формированию принципов имперской политики, когда еще не сложились собственно имперские каналы мобилизации, не были выработаны соответствующие дискурсы [38, с. 6]. Следует также учесть, что Сибирь до конца XVII в. воспринималась даже не как периферия, обладающая комплексом признаков, присущих данному государству, а как пограничная территория с размытыми культурно-цивилизационными критериями: «государство дальнее и состоит меж бусурманских и иных вер многих земель» [22, с. 663]. Валери Кивельсон, оценивая «христианизирующий аспект московского колониализма», высказала мнение, что в XVII в. за Уралом реализуется «программа христианизации без обращения» [10, с. 203]. Она выражалась в самом факте расширения русского присутствия в Сибири. Его результатом было наполнение физического пространства новым символическим содержанием – постройкой церквей и монастырей, фиксацией знамений и чудесных явлений, сопровождавших появление русских в регионе. Посредством этого формировались предпосылки для восприятия этих земель и их обитателей как собственно российских. Преодоление неонатального периода в развитии Российской империи, совпавшее с превращением большей части сибирских территорий из фронтирных в периферийные (окраинные), способствовало выработке новых подходов в административной, фискальной и конфессиональной политике в отношении местных иноверцев в начале XVIII в.

Список литературы

1. **Акты об отпуске в Казань тамошнего архиепископа Гурия:** Приговор и наказная память № 241 от мая 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук (ААЭ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. Т. 1.
2. **Архипова М. Д.** Киприан Старорушанин – деятель Русской православной церкви и духовной культуры первой трети XVII в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2004. 22 с.
3. **Бахрушин С. В.** Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 86-152.
4. **Беляков А. В.** Крещение служилых Чингисидов в России в XVI-XVII вв. // Российская история. 2011. № 1. С. 107-115.
5. **Бущинский П. Н.** Сочинения: в 2-х т. / под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. Мангазея. Сургут. Нарым. Кетск. 328 с.
6. **Главацкая Е. М.** Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII-XX вв.: дисс. ... д.и.н. Екатеринбург, 2006. 346 с.
7. **Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым.** Издание 2-е. М.: Типография Компании типографической, 1788. Ч. V. 432 с.
8. **Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века:** тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука, 1986. № 129. 263 с.
9. **История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века:** хрестоматия / под ред. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. Екатеринбург: Волот, 1999. 304 с.
10. **Кивельсон В.** Картографии царства: Земля и её значения в России XVII века / пер. с англ. Наталии Мишаковой; научн. ред. перевода Михаил Кром. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
11. **Конев А. Ю.** Правовое положение «новокрещенных иноверцев» Сибири: XVII-XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2006. Т. 5. № 3-1. С. 20-25.
12. **Конев А. Ю., Бакиева Г. Т., Ключева В. П.** Социально-правовые аспекты конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири XVII-XIX вв. // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 164-173.
13. **Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.** История русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 6. Отд. 1. 799 с.
14. **Мелетий, архимандрит.** Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653-1726) и сведения о Даурской миссии. Казань: Университетская типография, 1875. 199 с.
15. **Наказ Ленским, или Якутским воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину № 100 от 10 февраля 1644 г.** // Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией (ДАИ). СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. Т. 2.
16. **Наказ Тобольскому воеводе князю Алексею Голицыну № 138 от 19 февраля 1664 г.** // ДАИ. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. Т. 4.

17. **Наказ царя Михаила Федоровича архиепископу Макарию** № 88 от 8 февраля 1625 г. // Тобольский архиерейский дом в XVII веке (ТАД) / подг. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994.
18. **Наказ Якутскому воеводе князю Якову Волконскому и дьяку Елчукову** № 209 от 1670 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 4.
19. **Никольский Н. В.** Конспект по истории христианского просвещения чуваш. Казань: Центральная типография, 1906. 36 с.
20. **О даче жалования вогульским новокрещенам и о поверстании их в стрелецкую службу:** Царская грамота Верхотурскому воеводе Неудаче Плещееву и голове Хлопову № 43 от 5 мая 1603 г. // АИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. Т. 2.
21. **О крещении в Тобольске иноземцев по желаниям их в православную веру и о розыске и наказании из них тех, кои, обокрав помещиков, или разоря кого либо, бежали и просят о крещении их, дабы тем освободиться от наказания:** Именной с боярским приговором № 1163 от 7 февраля 1686 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. II.
22. **О крещении иноверцев только по свободному их желанию без всякого принуждения, о соблюдении некрещеными татарами и другими иноверцами благочиния во время крестных ходов и о необращении им новокрещенных в прежнее зловерие:** Именной с боярским приговором № 1117 от 5 апреля 1685 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. II.
23. **О подарках крестьящимся иноверцам:** Грамота царя Михаила Федоровича тобольским воеводам № 11 от 15 января 1621 г. // ТАД. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994.
24. **О построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенных, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оныя, и о недозволении русским людям жить в услужении у татар и немцев:** Царская грамота в Казань № 358 от 18 июля 1593 г. // ААЭ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. Т. 1.
25. **О толмаче при Тобольском Софийском доме:** Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану № 81 от 16 ноября 1622 г. // ТАД. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994.
26. **Об обращении язычников в православную веру:** Наказ Сибирского митрополита Павла игумену Феодосию № 69-II от 15 мая 1681 г. // АИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 5.
27. **Об оказании содействия таможенному и заставному голове Данилу Обросеву в осмотре людей, едущих в Сибирь и из Сибири в Россию, с прописанием данного ему наказа:** Царская грамота верхотурскому воеводе Данилу Милославскому и дьяку Ивану Селетцину № 184 от марта 1635 г. // АИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. Т. 3.
28. **Об управлении казенными, земскими и военными делами:** Наказ ближнему боярину князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводою, № 1594 от 1 сентября 1697 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. III.
29. **Об учреждении новых епархий, о предании раскольников градскому суду и пр.:** Соборное постановление по предложениям царя № 75 от ноября 1681 г. // АИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 5.
30. **Оглоблин Н. Н.** Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). М.: Университетская типография, 1900. Ч. 3. 394 с.
31. **Олеарий А.** Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
32. **Первое столетие сибирских городов: XVII век** / подг. Н. Д. Зольникова, А. И. Мальцев, Д. Я. Резун. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 190 с.
33. **Пономаренко М. В.** Ислам в Сибири в контексте общероссийских и региональных этноконфессиональных процессов // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века): сб. статей. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 320-339.
34. **Преображенский А. А.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 394 с.
35. **Софронов В. Ю.** Миссионерская деятельность русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX века: дисс. ... д.и.н. Барнаул, 2007. 446 с.
36. **Сулоцкий А. И.** Сочинения: в 3-х т. / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2001. Т. 3. Из архива Александра Сулоцкого. 400 с.
37. **Томилов Н. А.** Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 275 с.
38. **Филюшкин А. П.** Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5-20.
39. **Фирсов Н. А.** Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: Университетская типография, 1866. 261 с.

**LEGAL ASPECTS OF CONFESSIONAL POLICY IN RELATION TO SIBERIA PEOPLES
AT THE END OF THE XVITH – THE BEGINNING OF THE XVIITH CENTURY**

Konev Aleksei Yur'evich, Ph. D. in History
Tyumen State Oil and Gas University
alдимокс@mail.ru

The main normative-legal acts that determined the Russian authorities' confessional policy principles in relation to Siberia native peoples at the stage of their annexation to Russia are considered from new positions. The attempt to ascertain the interconnection of the political-legal aspects of the Christianization of local adherents of different faith in Volga region and Siberia is undertaken for the first time. The peculiarities of the Christianization of the XVIth-XVIIth centuries are explained by the neo-natal empire political culture and practice specificity.

Key words and phrases: native peoples; legislation; confessional policy; Christianization; neo-natal empire.